

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ЗНАК СКОРПИОНА

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Седьмая линия

Анастасия Валеева

Знак Скорпиона

«Научная книга»

Валеева А.

Знак Скорпиона / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется за очередное расследование. От передозировки наркотиком погиб молодой человек. Казалось бы – печальный, но банальный случай. Но что символизирует скорпион, который является в видениях Яны и почему этот знак станет ключом к разгадке?

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	20
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Валеева

Знак скорпиона

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Олег медленно шел по улице, погруженный в размышления. На этот раз отправляться на и так не слишком уж утомительную работу не было нужды. Предстояло значительно более важное и многообещающее, хотя и рискованное дело.

Симпатичный молодой человек, в дорогих модных джинсах, фирменной тенниске, открывающей мускулистые плечи и руки, с кожаной барсеткой в руках, привлекал взгляды многих проходящих мимо девушек и женщин. Их не отпугивала даже самодовольная ухмылочка юноши, знающего себе цену и его отрешенный взгляд. Молоденькие девчонки и женщины в возрасте невольно подтягивали животик, стремясь казаться стройнее, поблескивали заинтересованными накрашенными глазками и завлекающе покачивали бедрами, чтобы походка показалась как можно более сексуальной. Хотя, если бы они только знали, какие мысли бродят в голове этого пресыщенного обеспеченного херувимчика, то сразу бы оставили попытки ему понравиться.

Олега волновали в данный момент не женские формы, обливающиеся потом под жарким июньским солнцем.

«Я всегда знаю то, что меня интересует, – вспоминал он слова человека, сформировавшего его как личность, того, кто помог еще маленькому мальчику осознать жизненные приоритеты и собственные потребности. – Это сложное искусство, тебе еще предстоит ему научиться. Власть. Деньги. Информация. Именно из этих факторов складывается универсальная формула победы».

И Олег сейчас, как никогда, чувствовал себя победителем, хищником, отхватившим лучший, суливший значительные прибыли, кусок. Если все повернется так, как он наметил, очень скоро жизнь изменится в лучшую сторону.

Усмехнувшись при мысли о столь неожиданно подвалившей ему удаче, парень вспомнил также любимую поговорку своего, если можно так сказать, духовного отца и учителя: «Как говорил когда-то Эпикур, смертный, скользи по жизни, но не напирай на нее». Всю свою жизнь Олег предпочитал скользить подобным образом, выбирая, конечно, самые короткие, удобные и безопасные для него пути. Напирать и добиваться чего-то, перетруждаясь, как обычные люди было не в его вкусе. Олегу давно уже надоело слушать бесконечные нудные нотации матери о том, что всего в жизни надо добиваться собственными усилиями, собственным трудом. Детский сад какой-то. Все его друзья катаются на иномарках, живут в своих собственных хатах, отделанных по евростандарту. Пройдет еще совсем немного времени, и он сам достигнет того же уровня.

Ну, а оправдать и представить неожиданно свалившееся богатство перед окружающими он сумеет, как-никак юридический заканчивает, пусть и коммерческое отделение. Да и дядя поможет. Олег знал, что умом его Бог не обидел, именно поэтому, ведя столь опасный образ жизни и совершая порой довольно рискованные поступки, он ни разу еще не поскользнулся и не пострадал.

А все началось так просто, так случайно ему счастье подвалило. Еще будучи сопливым мальчишкой, как Олег думал про себя, убежденный, что уж в данный момент он не менее, чем умудренный жизнью старец, успевший вкусить всего, а тогда в неполные восемнадцать лет в первый момент и не понял дружка, поступившего учиться с ним вместе.

Этот уже умудренный дворовой жизнью парень, видимо, тщательно изучив богатенького, но сообразительного и ушлого однокурсника, предложил получить кайф от ЛСД25. Всего лишь небольшая марочка, которую Олег положил под язык. В ту ночь они все отмечали какое-то событие на даче у однокурсника, так что родители не видели, во что превратился их сын, переполненный невиданной энергией.

Первые впечатления были незабываемы. Олег даже улыбнулся про себя вспомнив открывшийся перед ним мир ярких сказочных красок и волшебных видений, дарующих неведомые возможности и силу организму. Эта улыбка, осветившая и преобразившая правильные черты мальчишеского лица, заставила двух смешливых девчонок в нелепых переливающихся всеми цветами радуги коротеньких шортиках на мгновение замереть и затем захихикать с удвоенной силой, стремясь привлечь его внимание. Парень же широко и уверенно шагал мимо, не обращая ни на что внимания. Олег вспоминал о том волшебном мгновении.

Он почувствовал себя заново рожденным. Хотелось повторить. Вот только Олег вовсе не был глуп. Он считал себя волевым и сильным из-за того, что не совершил тогда второй шаг и не ступил в рабство к белому порошку. Мальчишка даже не задумывался о том, что дело не только в его характере, уме и силе воли. Просто он уже был подчинен. Его душу закобалило преклонение перед идеалами того, кого он считал своим духовным отцом и учителем, то есть стремление, безоглядное и безоговорочное к деньгам и к власти. Золотой блеск застил глаза избалованного мальчишки, привыкшего получать все полностью и в большом количестве по первому требованию. Вот только безоговорочно подчиняться, как требовал от него этот человек, Олег был не способен. Беспринципный и самолюбивый, он хотел быть первым и единственным, так что подвернувшийся случай помог ему скользнуть по жизни на новую ступень.

Тот разговор с однокурсником стал переломным в жизни Олега. Его учитель обещал многое, но не скоро. Деньги и власть должны были прийти, излиться золотым потоком, в качестве обещанного наследства, которое передадут из рук в руки. Но вот только когда? А самостоятельность, независимость от родителей и желанную роскошь хотелось как можно скорее, сегодня, сейчас. Вот поэтому предложение подзаработать, найдя свою клиентуру для белого порошка, показалось таким заманчивым. Бешенные деньги, идущие в руки ни за что, манили и завораживали.

Олег начал с распространения опиума. Черняга, как его еще называли, расходилась хорошо, особенно маляс, напоминающий пластилин в целлофановой упаковке. Через некоторое время дружок стал поставлять коцию – наркотик, который варится из маковых головок. А потом Олег перешел на героин, позволяющий быстро и плотненько подсаживать на иглу нужных людей.

Небольшой круг тщательно отобранной Олегом клиентуры расширялся постепенно. Больше всего он боялся засветиться. Причем опасался не столько милиции – был уверен, что отмажут, как своего учителя и духовного руководителя, которого подобное самовольство взбесит до безумия.

Именно поэтому никогда он не связывался с непроверенными, случайными нариками, знакомыми по институту или со двора. Он предпочитал самостоятельно выходить на малолеток, не знающих, кто он и как его найти. С ними было!!! безопасней. Соблазнить же подростков из обеспеченных семей его круга на получение кайфа было!!! плевым делом. Особенно клевали девчонки, вроде бы случайно познакомившиеся с симпатичным взрослым парнем. Они почти все были!!! не способны устоять перед его обаянием и накачанной фигурой.

Эти молоденькие и глупенькие телки были готовы на все – отдался ли, купить ли наркоту или пойти за ним на край света. Самое главное, о чем Олег никогда не забывал: ни в коем случае они не должны были выйти на него, когда их пристрастие рано или поздно откроется и родители встанут перед фактом, что дитя уже торчит плотнячком. Ведь в таком случае, на

кумарах, даже самая влюбленная девчонка забудет обо всем и выложит любому, как на духу, кто ей и что поставляет.

Один лишь раз, еще в самом начале он совершил эту ошибку, приручил своего друга, ставшего теперь настоящей занозой в заднице, да девчонку, хорошо знающую его настоящую жизнь.

Олег, заскочивший в остановившийся трамвай, нахмурился, вспоминая тот на редкость неприятный эпизод. Девчонку, прежде, чем она раскололась, тогда необходимо было устранить, как будто случайно. Это он понимал прекрасно, именно этому его учил человек, ставший в духовном плане важнее и ближе родителей. Сперва Олег, хотя он и не любил признаваться себе в этом, трусил, страшным образом. Теперь он лишь усмехался, вспоминая – дело-то было вернячком, на него никогда бы не вышли. Олег хотел даже к своему духовному учителю обратиться, да только повезло – девка та сама все развязала, облегчила труд.

Неожиданно нахлынувшие в этот жаркий день воспоминания скоротали путь. Насвистывая, Олег вышел из практически пустого трамвая на нужной ему остановке. Самая окраина города выглядела весьма отталкивающе. Полуразрушенные дома, в которых однако кто-то еще жил, перемежались весьма «ароматными» в эту жару мусорками. «Помойка, – процедил Олег сквозь зубы. Его тошнило от этого отталкивающего пейзажа. – Весь Тарасов помойка. Вот уеду в Москву...»

Олег огляделся. В такую жару на улицах практически никого не было!!! видно. Ему не нужны были!!! лишние свидетели, поэтому он не пожалел ни времени, ни сил, чтобы пройти через пустырь и обогнуть по задворкам несколько полуразрушенных заброшенных домов, сделав достаточно большой крюк на пути к ветхому заброшенному строению. Парень уже не первый раз там был!!! так что, хотя и морщась от представшей отвратительной грязи, быстро и ловко проскользнул в подвал. Там было!!! темно и прохладно. Олег огляделся. Пока никого не было!!! Видно и он приготовился к ожиданию. Но из самого темного угла неожиданно совершенно бесшумно выступила высокая тень. Парень вздрогнул и взгляделся:

– Это ты? – выдохнул он тихонько. – А я уж подумал... чужой кто. Принес? Клево! У меня мой поставщик сорвался пока. Не хотелось бы мутить в поисках.

Тень лишь кинула в ответ, не отводя взгляда от лица Олега. Через мгновение прорезался и голос.

– Качество обалденное. Попробуй вмазаться, оценишь. У меня и баян с собой. Немного там, только на пробу. Не брать же с закрытыми глазами.

Олег на мгновение заколебался. С другой стороны, он уже не раз нюхал героин, один раз и укололся, но старался держать себя в руках, никогда не переходя за грань. Торчать он позволял себе очень и очень редко, так почему бы сейчас не попробовать новый товар?

Выразив согласие, Олег подстелил газетку, прежде чем присесть на какие-то запаршивившие тряпки, не заметив, как по губам собеседника скользнула и исчезла презрительная усмешка. Парень, перетягивающий вены, и не подозревал, что полученный кайф окажется последним.

* * *

В это утро Яна поднялась раньше, чем обычно. Быть может, всему виной была удушающая летняя жара, но ночь она провела довольно тревожно. Ее терзали старые мучительные кошмары, Яна то и дело беспокойно просыпалась и вновь погружалась в наползающий серовато-мглистой пеленой зев сна, заглатывающий ее мысли, чувства, волю и оставляющий лишь распростертое на постели беспомощное тело.

Можно было, конечно, ранним утром распахнуть окна, оставить включенным вентилятор и отдыхать дальше, но вскоре должна была прийти посетительница. Она позвонила Яне вчера вечером и договорилась о встрече.

Дело в том, что Яна Борисовна Милославская обладала паронормальными способностями, позволяющими ей выполнять работу сыщика-экстрасенса. Поэтому звонки и просьбы о встрече со стороны незнакомых ей людей, преимущественно находящихся в каких-то затруднительных для них, экстремальных, порой трагичных ситуациях, Яну уже не удивляли.

Но, с другой стороны, какое-то беспокойство, появившееся во время телефонного разговора с незнакомкой, не исчезало. Смутная тревога была вызвана тем, что низкий, бархатистый, с появляющейся в минуты сильного волнения приятной хрипотцой, голос просительницы на мгновение показался Яне знакомым. Возможно, именно поэтому она с нетерпением ожидала, когда наступит назначенное время.

В десять часов утра в прихожей раздался звонок. Джемма, двухгодовалая среднеазиатская овчарка, мгновенно вскочила со своего коврика и кинулась во двор быстрее хозяйки. Она решила проинспектировать гостей и сразу же устранить возможность появления какой-либо опасности. Так что, когда Яна прошла по тропке к калитке, овчарка уже предупреждающе рычала, глядя на стоящую за заборчиком женщину.

– Фу, Джемма, – проговорила Яна, ласково потрепав собаку по холке. Затем она открыла калитку и взглянула на гостью.

– Здравствуйте... Яна Борисовна? Я – Сизова Дарья Владимировна, это я вам вчера звонила, – спокойно проговорила незнакомка, с некоторой опаской поглядывая на собаку.

– Да-да, проходите, – Яна немного отступила, позволив посетительнице проскользнуть во двор. Янино секундное замешательство было вызвано тем, что при звуках голоса немолодой худощавой женщины в элегантном и отнюдь не дешевом бежевом брючном костюме ощущение «*deja vu*» немного усилилось. Милославской даже показалось: сейчас ей станет ясно, где и когда произошла забытая ею встреча. Но какая-то стена вновь закрыла нахлынувшие было воспоминания непроницаемой белой пеленой. Лишь в одном Яна была твердо уверена – этого лица с резкими, выразительными чертами раньше она никогда не видела.

Яна решительно отбросила в сторону все свои эмоции, сдержанно улыбнулась посетительнице, вновь окинула ее внимательным взглядом и пригласила в дом. Женщине, вызвавшей непонятное замешательство Яны, было за сорок. Ее ухоженное, хотя и утомленное и даже изможденное в этот момент лицо было по-своему привлекательно. Резкие и выразительные черты подчеркивал безупречно наложенный макияж, видимо, скрывавший следы вчерашних слез и переживаний.

Джемма, стоявшая рядом с хозяйкой, внимательно наблюдала за гостьей. Весь ее вид показывал: незнакомая женщина, какой бы милой и обаятельной она не показалась Яне, у верной Джеммы все еще на подозрении. Столь явно демонстрируемая преданность и предусмотрительность собаки вызвала слабый отблеск улыбки на губах посетительницы.

Закрывая калитку, Яна заметила, что незнакомка прибыла в сопровождении какого-то мужчины. Его фигура виднелась за рулем припаркованного рядом оливкового «мерседеса». Этот неподвижный силуэт за затемненными стеклами почему-то вызвал недовольство овчарки. Отвлекаясь от Сизовой, которую умная собака, видимо, посчитала не столь уж опасной, Джемма посмотрела через забор в сторону машины и зарычала.

– Ну-ну, девочка, – успокоила ее Яна. – Все в порядке, пошли домой.

Но Джемма не пожелала отпираться вслед за хозяйкой. Она уселась прямо у калитки и принялась наблюдать за машиной. Малейшие перемещения в ней вызывали глухое враждебное рычание.

Еще раз скользнув по машине и застывшей собаке взглядом, Яна пожала плечами и проводила неожиданную гостью в свой кабинет, предлагая:

– Что-нибудь выпьете? Кофе, сок или что-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо, – посетительница устроилась в кресле, окинув рассеянным взглядом кабинет. Было заметно, что ей нелегко изложить причину, побудившую прийти к экстрасенсу, но она решительно взяла себя в руки. – Должно быть, вы помните Коробко Юлию Борисовну? Вы помогли найти ее дочь.

Яна, конечно же, не забыла взбалмошную тринадцатилетнюю девчонку, возомнившую себя влюбленной Джульетой и втайне сбежавшую к мужчине, втрое ее старше. Если бы не содействие Милославской, этот предприимчивый, хотя и очень обаятельный для юных вертушек делец, быстренько бы пристроил девочку на панель. У него уже было несколько подростков, таких же наивных, но мнящих себя взрослыми, как и Коробко. Сутенер запер несчастных запуганных девчонок в доме на окраине, ежевечерне доставляя туда не очень разборчивых в законности предприятия охотников до незрелых «Лолит».

– Мы с ней соседки, – продолжила тем временем Дарья Владимировна, – давно знакомы, и именно она порекомендовала вас, когда мой сын... еще только пропал.

Женщина замолчала. Некоторое время она тщетно копалась в сумочке, низко опустив голову, пытаясь справиться с волнением и удержать подступившие слезы. Яна, почувствовав жалость к этой сильной женщине, которую, видимо, выбило из колеи какое-то действительно трагическое событие, предложила ей сигареты. Но Дарья Владимировна уже пришла в себя:

– Спасибо. Я не курю, но вы, если хотите, курите, – тут же прибавила она, видя, что Яна отложила сигареты в сторону. Затем женщина продолжила жестким и решительным тоном, не позволяя эмоциям вновь захлестнуть ее. – Так вот. Мой сын пропал. Через два дня, в подвале заброшенного дома на окраине города, было найдено его тело. Милиция считает причиной его смерти несчастный случай, но я не могу в это поверить! Вы должны мне помочь! Мой мальчик не мог так погибнуть...

Женщина застыла, с холодной решимостью глядя на Яну. Казалось, именно это глубинное желание найти виновного в смерти сына и давало женщине силы функционировать, двигаться, дышать. Таким образом она обретала новую цель, движение к которой немного отвлекало от открывшейся страшной правды, что жизнь ее мальчика навсегда перечеркнута какой-то неведомой силой. Яна почувствовала жалость. Конечно, она сама после потери мужа и сына обрела душевное равновесие другим образом, не бросаясь на поиски виноватых, но все же понять и посочувствовать Яна могла.

– Расскажите все по порядку, – проговорила Милославская успокаивающим тоном. – Как звали вашего сына?

– Олег. Ему исполнится... должно было через неделю исполниться 20 лет. Он никогда, никогда не принимал наркотики, а они сказали, что мой Олег был наркоманом и погиб от передозировки, – женщина почти что сорвалась на крик. Но на этот раз значительно быстрее взяла себя в руки и продолжила:

– Он пропал 3 дня тому назад. Мы, конечно, обзвонили всех его друзей, знакомых, родственников, обратились в милицию, хотя сперва они нас даже слушать не хотели. Вчера утром мне сообщили, что необходимо приехать на опознание тела.

– Это был он? – Яна говорила успокаивающе корректным голосом, чтобы взволнованная посетительница немного пришла в себя.

– Да. Его нашли в подвале заброшенного дома, на окраине города. Но чтобы они не говорили, я точно знаю – мой сын не наркоман! Скажите, вы возьметесь за это? Я хочу знать, убит ли мой сын, или его смерть действительно является случайностью. А если убит, то кем. Способны вы мне помочь? – женщина просительно смотрела на Яну. Затем торопливо продолжила:

– Ах, да, с деньгами... сколько бы ни стоила ваша работа, только скажите, я оплачу.

– Должна вас уверить, – проговорила Яна, внимательно глядя в лицо посетительнице, – что милиция все равно заведет уголовное дело и будет искать виновных. Даже при подобном

случае передозировки так сразу, как вы говорите, «несчастливым случаем» дело признано не будет. Быть может, вам лучше положиться на работу наших правоохранительных органов?

– Нет! – Сизова решительно покачала головой. Ее губы сжались, вытянувшись в тонкую ниточку, а на лице читалась упрямство и некоторое высокомерие человека, убежденного в том, что лишь его решения и пожелания являются той осью, вокруг которой и вращается земля. – Меня не устраивает работа милиции. Они готовы все свалить на моего сына, а искать настоящего убийцу не намерены. Кроме того, мой муж депутат, – продолжала она доверительным тоном, – а милиция не может гарантировать, что при расследовании дела не будет должной огласки. Вы же на это способны, я надеюсь.

– Но я работаю в тесном контакте с милицией, – тут же настороженно заявила Яна. – Всю полученную информацию я предоставляю туда, так что, как видите, огласки избежать не удастся.

– Ничего! – на лице женщины была написана высокомерная самонадеянность. – Вы узнаете правду и докажете, что мой сын ни в чем не виновен.

– Ну что ж, – на первый взгляд дело не казалось слишком сложным, хотя Яна не доверяла подобным обманчивым впечатлениям. Милославская могла бы помочь этой сильной, волевой, но несчастной и потерянной в данный момент женщине. Она видела: мать ослеплена не только горем, но и безудержной любовью к своему ребенку. Яна же, несмотря на то, что жила довольно-таки уединенно и изолированно, прекрасно знала о положении в городе. Не стоило забывать: даже по официальной статистике практически каждый молодой человек или подросток попробовал в своей жизни не менее одного раз то или иное наркотическое вещество. А уж подлинный процент тех, кто попал в наркозависимость, несоизмеримо выше официальных, и без того пугающих, цифр.

При этом родители о проблемах своих детей очень часто узнают последними. Подлинная картина произошедшего с Сизовыми пока вроде бы вырисовывалась довольно ясно и без помощи паранормальных способностей Яны. Скорее всего, мать слепо обожает свое дитя, упорно не замечая появившихся в его поведении странностей – остекленевшего взгляда и суженных зрачков, неадекватного поведения, потребности в деньгах и прочих «маленьких радостей». И даже после столь очевидного разоблачения она предпочитает упорно закрывать на все глаза, веря в святость и непогрешимость своего великовозрастного дитяти. «Что ж, придется ее разочаровать», – подумала Яна, протягивая руку к картам и проговорив, глядя на застывшее в ожидании лицо:

– Я постараюсь оказать вам посильную помощь. Мой гонорар будет зависеть от результатов гадания. Если результат покажется вам удовлетворяющим, дающим ответ на ваш вопрос, то достаточно будет 30 долларов, пока в качестве аванса. Если же в дальнейшем, помимо этого сеанса, потребуется моя помощь, мы договоримся об оплате после, в зависимости от сложности дела. Но вы должны учитывать, что мои способности, хотя и уникальны, все же не позволяют сразу назвать имя убийцы.

После этих слов напряжение, ясно читаемое на лице внимательно слушающей женщины, несколько сгладилось, и она тут же извлекла из сумочки деньги, положив их на стол.

– Я согласна со всеми вашими условиями. Только узнайте, что произошло с моим сыном.

Женщина в ожидании уставилась на Яну. Милославскую как будто что-то кольнуло. Вновь проявила себя сгинувшая было непонятная и совершенно необъяснимая тревога. Почему-то вспомнилась массивная мужская фигура за затемненными стеклами припаркованного у дома автомобиля.

– Вас привез шофер? – мимоходом спросила Яна, перебирая карты в поисках нужной.

– Что? – женщина завороченно глядела на необычные изображения на картах. Дело в том, что Яна рисовала их самостоятельно, изображая лишь ей одной понятные символы, помогающие настроиться на определенную ситуацию, восприятие образного ряда, энергии, увидеть

находящийся на расстоянии объект. Неизвестным самой Милославской способом эти картонные прямоугольнички с нанесенными на них черной тушью рисунками приобретали таинственную магическую власть, помогая Яне сконцентрироваться, проявляя свои паранормальные способности.

– А, вы о мужчине в машине? – продолжила Сизова. – Это мой брат. Он очень помог мне... в это трудное время. Юрий взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. Брат очень и очень любил Олежку, понимал его. Сын и тянулся к Юре порой больше, чем к друзьям, – успокоившаяся было после трагедии ревность далеким отголоском прозвучала в этих словах. – Юра настоял на том, что проводит меня сюда.

– У вас нет какого-либо предмета, который ранее принадлежал вашему сыну? – вернулась к делу Яна, внимательно глядя в лицо посетительнице. Беспокойство не проходило, казалось, оно даже усилилось. – Также мне необходима его фотография.

Сизова тут же извлекла из сумочки две карточки и дорожную зажигалку с выбитыми на ней инициалами:

– Это последняя его фотография. Он снялся со своими однокурсниками две недели назад. Олег третий слева. Второй снимок сделан на Новый год. Здесь он один, крупным планом. Я сама фотографировала. А эту зажигалку я подарила Олежке в прошлом году на день рождения. Он почти не расставался с ней. Только в тот раз дома оставил.

Яна взглянула на фотографию, где рядом с роскошно убранной елкой стоял темноволосый юноша. Красивое, энергичное лицо резкостью и выразительностью черт немного напоминало мать. Открытая, доброжелательная улыбка. Вот только глаза молодого человека сразу не понравились Яне. Они смотрели как-то холодно и отстранено.

На фотографии, где Олег был запечатлен вместе с однокурсниками, на первый взгляд он ничем не выделялся из группы бравирующих молодых парней. Вместе с ними он заливался смехом, откинувшись за столом и дружески обхватив за плечи нахмурившегося рядом с ним худенького паренька, выглядевшего значительно моложе. Яна внимательно изучила фотографии, затем взяла протянутую зажигалку, подержала ее, ощущая, как быстро металл теплеет, погладила пальцем инициалы. Тем временем другую руку она положила на извлеченную из колоды карту «Взгляд в прошлое».

Милославская откинулась в кресле, прикрыв глаза. Правая рука лежала на карте, в левой она держала зажигалку. Первые несколько минут ничего, предшествующего появлению видения, она не ощущала. В голове даже мелькнула мысль, что на этот раз карта не сработает. Затем Яна нащупала на зажигалке кнопку, откинувшую крышку. Появился маленький язычок почти невидимого при свете дня пламени. Яна, слегка прикрыв глаза, вглядывалась сквозь огонь в лицо на фотографии.

И вот уже она окружена пламенем, слабые красновато-желтые отблески которого невероятным образом преломляли лицо юноши. Постепенно красноватый цвет охватывающего сознание Яны пламени становился все более ярким, сочным, насыщенным, заполняя все вокруг, ослепляя. Милославская на мгновение ощутила охвативший ее нестерпимый жар, потеряв при этом способность что-либо видеть. Когда жар немного схлынул, в глазах прояснилось, хотя странные черные пятна, какие бывают после того, как в летний день посмотришь на яркое солнце, не исчезли, создавая впечатление взгляда сквозь мифическую, призрачную вуаль.

Перед ней по-прежнему было лицо юноши. Открытые, остекленевшие глаза сперва немного испугали ее. Яна поняла, что, хотя и она вернулась в прошлое, но юноша уже умер. Побледневшее лицо в полутьме мрачного, сырого подвала казалось серовато-пепельным. Милославская с трудом заставила себя отвести взгляд от его неподвижных немигающих глаз. Неведомым образом они притягивали ее, манили и увлекали, зовя в какой-то страшный путь, в бесконечный черный тоннель, из которого нет ни выхода, ни возврата. Яна уже начала поне-

многу соскальзывать в этот неведомый жуткий путь, когда огромнейшим усилием овладела собой и отвернулась.

Подвал был большим и темным. Сперва Яна практически ничего не могла рассмотреть, так как призрачный лунный свет с трудом проникал сквозь маленькие окошки, расположенные наверху. Милославская вновь вернулась взглядом к телу молодого человека, безжизненно распростертого на каких-то грязных тряпках. Скорее всего в этом подвале временами ночевали бомжи или собирались наркоманы, так как вокруг не только валялось несколько кучек тряпья, наверное, служивших постелью, но, в полутьме, виднелись также разбитые бутылки из-под спиртного, смятые грязные старые газеты, использованные шприцы и другой мусор. Неподалеку даже расположилась старая проржавевшая кровать с продавленной сеткой.

Яна уже было усомнилась в том, что подобное видение хотя бы немного прояснит ситуацию. Юноша лежал один. Но в этот момент она увидела слабый круг света, бегущий по полу и подбирающийся все ближе и ближе к безжизненному телу. На мгновение свет был направлен прямо в лицо Милославской. Она оцепенела в панике. Ей казалось, что неведомый, чьей фигуры из-за бьющего в глаза яркого света она не могла увидеть, сейчас сам разглядит ее. Но луч скользнул дальше.

Ослепленная, несколько секунд Милославская ничего не видела. Затем она поняла: темная фигура с фонариком склонилась над юношей, быстро извлекла что-то у него из карманов, положила рядом с его рукой шприц, сжав послушные пальцы парня так, чтобы на нем остались отпечатки. Человек с фонариком, а Яна не могла рассмотреть даже очертаний его фигуры, вновь протянул руку к лежащему неподвижно телу, но в этот миг внимание женщины переключилось и сконцентрировалось на руке убийцы.

Яна смогла заметить небольшую деталь, четко врезающуюся ей в память – на мгновение перед глазами застыло запястье крепкой руки, по всей видимости, мужской. Сперва кроме темных волос, которыми поросла рука, ничего разглядеть она не могла. Но вскоре, как будто пелена спала с ее глаз – на коже проступил небольшой рисунок, размером со вторую фалангу большого пальца.

Скорее всего это была татуировка. Она изображала искусно выведенного черной тушью маленького изогнувшегося скорпиона. Татуировка была довольно-таки мала, кроме того ее так скрывала в первый момент черная поросль на руке, что не присмотревшись специально, трудно было что-то разобрать. Хотя сейчас, когда она заметила рисунок, Яна удивлялась, как это раньше не разглядела скорпиона. Милославскую, с того самого момента, как она его увидела, рисунок притягивал с мистической силой. Казалось, он с огромной скоростью приближается, все увеличиваясь в размерах. И вот уже скорпион, размером с откормленного кота, зашевелился прямо перед ее глазами, стремясь кинуться в прыжке и укусить.

В последний момент черные пятна, словно вуалью отгораживающие женщину от окружающего ее мира, стали расползаться все быстрее и быстрее, закрывая видение и возвращая женщину в беспросветный мрак.

Яна вскрикнула и открыла глаза. Яркий свет солнечного летнего дня слепил ее, заставляя вновь зажмуриваться. Когда же Милославская окончательно пришла в себя, перед ней предстало ошеломленное лицо Сизовой.

– Яна Борисовна, что с вами? – испуганно повторяла она. – Вам плохо? Нужна помощь? У вас что-то с сердцем?

– Нет-нет, все в порядке, – все еще слабым голосом проговорила Яна. – Ваш сын был в темных, скорее всего, черных джинсах и светлой тенниске? На руке дорогие массивные часы фирмы «Роллекс», золотые или золотистого цвета?

– Да, – в глазах Дарьи Владимировны читалась робкая надежда, смешанная с невольным уважением и даже некоторым страхом перед паранормальными способностями Яны.

– Я видела тело юноши, похожего на вашего сына. Не могу сказать, что также видела и убийцу, но какой-то человек присутствовал при последних минутах его жизни, – Яна чувствовала сильную слабость. Использование карт забирало много сил. Милославская перевела дыхание и продолжила:

– Неизвестный зачем-то подменил шприц. Вполне возможно, смерть вашего сына была не просто несчастным случаем. Кстати, есть ли среди ваших знакомых человек, имеющий на запястье правой руки татуировку в виде черного скорпиона?

– Так значит, все-таки убийство, – в голосе Сизовой слышалось какое-то злорадное удовлетворение. Возведенный в ее воображении на пьедестал образ безупречного идеального сына не рухнул. – А человека с подобной татуировкой точно не знаю. У нас и нет подобного контингента среди знакомых, – несколько высокомерно промолвила, немного подумав, Дарья Владимировна и продолжила: – Я надеюсь, что вы возьметесь за это дело? Деньги не будут проблемой. Только лишь назовите свою цену.

Яна с сомнением посмотрела на посетительницу. С одной стороны, женщина, как мать, потерявшая нежно любимого сына, вызвала сочувствие, несмотря на присущее ей некоторое высокомерие и самодовольство, но с другой, что-то, связанное с этим делом, настораживало и беспокоило Милославскую. И все же ей самой хотелось понять, почему голос Дарьи Владимировны временами кажется ей смутно знакомым и даже вызывает бессознательное беспокойство и тревогу. А для этого не следовало прерывать сотрудничество. В результате, данные соображения побудили Яну заявить:

– Я попытаюсь найти убийцу или же того человека, который присутствовал при последних минутах жизни вашего сына. Но хочу сразу предупредить, что мне нужно время. В качестве аванса, если мои условия вас устраивают, я прошу 200 долларов, и лишь в том случае, если я выполню взятые на себя обязательства, вы заплатите мне еще тысячу.

Яна в ожидании смотрела на Сизову. В глубине души она даже немного надеялась, что ту не устроят предложенные экстрасенсом условия. Но женщина с восторгом ухватилась за предложение.

– Да, конечно, – Дарья Владимировна извлекла изящный кожаный кошелек из сумочки, подобранной в тон к костюму, и отсчитала четыре новенькие купюры. Положив их на стол, она с ожиданием уставилась в лицо Яны, как будто предполагая, что та тут же, сидя в кресле, примется вычислять своими чудодейственными способами убийцу.

Яна поднялась и проговорила:

– Я буду держать вас в курсе дела и со своей стороны надеюсь на ваше содействие. Мы еще побеседуем, а сперва мне необходимо кое-что выяснить. Когда состоятся похороны?

– Завтра, в 12 часов. Вот моя визитка, – женщина извлекла из сумочки картонку с серебряным тиснением. – Здесь указан мой телефон и адрес.

Сизова с некоторым сожалением поднялась и, наконец-то, удалилась. Яна проводила ее и вновь села в кресло, раздумывая. Она чувствовала усталость и слабость. Использование карт довольно-таки сильно ее изматывало, но, несмотря ни на что, Милославская решила сразу же приняться за дело. А для начала она собиралась побеседовать с Руденко.

Яна придвинула поближе телефон и принялась набирать знакомый номер. Лейтенант Руденко в данный момент, по ее предположениям, должен был находиться на службе.

Милославскую с милиционером связывали полу-деловые полу-дружеские отношения сотрудничества. Семен Семенович Руденко неоднократно лично убеждался в способностях Яны как экстрасенса, помогающего ему расследовать очередное дело. Так что относился лейтенант к ее гипотезам и просьбам уважительно, хотя в беседах порой и стремился высказать некоторый скептицизм и насмешку. Просто его практичный, приземленный склад ума никак не желал спокойно воспринимать столь абстрактные и необъяснимые категории, которыми оперировала Яна.

Поэтому всякое очередное утверждение Милославской, основанное на информации, почерпнутой из видений, Руденко встречал с наигранной иронией и недоверием. Вероятно, это помогало лейтенанту чувствовать себя уверено, не страдая от того, что женщина, не имеющая никакого отношения к милиции, способна раскрыть дело, с которым ему не справиться.

Яна дозвонилась до кабинета Руденко довольно-таки быстро. Трубку подняли после первого же гудка и бодрый молодой голос произнес:

– Сержант Томилин слушает.

– Здравствуй, Саша, – Яна была знакома со многими подчиненными лейтенанта, а с Томилиным как-то провела немало времени, ожидая когда появится убийца. Но, на всякий случай она уточнила:

– Это Милославская. Семен Семенович сейчас очень занят?

– Он на задании. – голос сержанта стал еще более жизнерадостным. Видимо, отдыхать в кабинете начальника, дежуря у телефона, было значительно веселее беготни под палящим солнцем у очередного трупя. – Где-то в вашем районе, кстати.

– Когда появится, попроси, чтобы перезвонил мне по важному делу, ладно?

Яна распрощалась с сержантом и задумалась. Пока в ее распоряжении было не так уж много информации, чтобы начинать действовать, но все же она решила еще раз попытаться с картами.

Просмотрев десять имеющихся у нее в данное время карт, Яна задумалась, какой отдать предпочтение. Каждая карта действовала по-своему, обращая внутренний взгляд экстрасенса в прошлое, будущее, или позволяя ей понять настроение, состояние, в том числе и физическое, человека, а также воздействовать на чье-то сознание. Но в данный момент Яна остановилась на карте «Джокер» или, как она ее еще называла, «Сюрприз». Дело в том, что этот картонный прямоугольничек с изображенным на нем лукаво улыбающимся месяцем, все время преподносил Яне сюрпризы. Видения, возникающие при использовании «Джокера» сперва казались непонятными, но в дальнейшем помогали взглянуть на обстоятельства дела по-новому. Кроме того эта карта требовала вдвое меньших затрат энергии.

Яна устроилась поудобнее в кресле, положив правую руку на карту, лежащую на столе. Она смежила веки и погрузилась в странное, полудремотное состояние. Карта, расположившаяся под рукой, стала каким-то необъяснимым образом излучать тепло, нагреваясь все сильнее и сильнее. В то же время Яна словно погружалась в прохладный, застилающий все вокруг, серый туман. Милославская проваливалась в эту серую, вязкую массу, охватывающую все ее тело липкими, холодными щупальцами страха. И в тот момент, когда она уже начала задыхаться, неизвестно откуда взявшийся ветерок разодрал в клочья обступившую Яну серую мглу и перед глазами предстала неожиданная картина. Это была фотография. Большая овальная фотография в черной траурной рамке. Яна отрываясь, смотрела на полудетское лицо темноволосого мальчика. Взгляд его был серьезен, а на плотно сжатых губах не появлялось и тени улыбки. Яна пристально всматривалась в лицо, чувствуя какую-то странную тревогу.

Лишь через мгновение она осознала, что отступивший туман открыл перед ней большое пространство, залитое ярким солнечным светом. Неизвестным образом внезапно Яна почувствовала за спиной какое-то движение. Она резко обернулась и вдруг поняла, что находится на кладбище. На этот раз перед ней оказалось сморщенное тонкогубое старческое лицо с суровыми глазами: «Митяева Ирина Владимировна 1834–1923», успела прочитать Яна, когда на памятник уселся большой черный ворон. Видимо он и привлек ее внимание. Как в замедленной съемке Яна завороченно наблюдала за тем, как клюв ворона раскрывается. Затем она услышала какой-то резкий, раздражающий звуки картинка стала рассыпаться перед ее глазами, будто выстроенная из песка.

Яна застонала, приходя в себя. У ее ног поскуливала Джемма, вопросительно глядя в лицо хозяйки. Собака словно спрашивала, почему Яна на этот раз не собирается открывать

дверь нежданному посетителю, чей звонок и привел женщину в чувство. Милославская переборола внезапно нахлынувшую слабость, заставившую налиться свинцом ее ноги и руки, и отправилась к калитке. За ней переминался Руденко, со встревоженным выражением на простоватомпо-крестьянски широком лице.

– И что же у тебя на этот раз приключилось? – недовольным тоном проговорил он, с беспокойством вглядываясь в побледневшее лицо Яны.

– А ты откуда здесь взялся? – ответила она вопросом на вопрос. Слабость понемногу проходила и голос Яны звучал хотя и слабо, но уже более уверенно.

– Да вот, был поблизости, а как сообщили, что ты меня разыскиваешь, решил заскочить. Ну, пригласишь меня к себе, или у тебя там какие-нибудь духи на шабаш собрались? – Руденко с иронией смотрел в лицо Яны весьма довольный своим остроумием.

– Проходи, – Яна подумала: сейчас, несмотря на жару, необходимо выпить чашечку кофе, которая поможет окончательно прийти в себя. – Что будешь пить? Твоего любимого портвейна у меня нет, но кофе, сок, минералку или коньяк предложить могу.

– Портвешок бы сейчас неплохо, – мечтательно протянул Руденко, имеющий среди сослуживцев прозвище «Три семерки», за любовь к одноименному напитку. – Но я в данный момент на службе, – тут же с наигранной строгостью приосанился лейтенант. – Так что давай минералку.

– Вольному воля, – пожала плечами Яна, оставив лейтенанта устраиваться в кабинете, и отправилась на кухню.

Через несколько минут кофе был сварен в маленькой серебряной джезве, а Руденко получил бутылку ледяной минеральной воды и стакан.

– Ну так что тебе от меня было нужно? – на кажущемся с первого взгляда простодушным и открытым лице Семена Семеновича читалось нескрываемое любопытство. Сотрудничество с Яной хотя порой и несколько, по его мнению, уничижало прямую милицейскую натуру, все же оказывало значительную помощь, увеличивая раскрываемость преступлений и избавляя от явных и безнадежных «висяков».

– Слышал о таком: Сизов Олег? Его труп был найден на твоей территории, – Яна выжидательно смотрела на Руденко, пододвигая ему пепельницу и доставая сигареты.

– Сизов... – в глазах лейтенанта тут же промелькнуло не только понимание, но и явное раздражение. – Блин, как вы все мне осточертели. Не дают работой спокойно заниматься, все какие-то фокусы. Ты-то тут при чем? – почти простонал он раздражено.

– Ко мне приходила его мать. А что такое, давят сверху? – проявила проницательность Яна.

– Еще как давят, – Руденко нервно задымил сигаретой. – Еще и дело завести толком не успели, как тут же на ковер к начальству вызвали. «К этому делу необходимо подходить с осторожностью, особое внимание, деликатность, это дело не простое, сын депутата областной думы, Сизов-отец собирается баллотироваться в госдуму, такие связи, о результатах докладывайте лично мне...» – лейтенант попытался передразнить своего начальника, произнося эти слова высоким фальцетом, но голос его от возмущения постоянно срывался.

– Ну и как успехи в деликатном раскрытии преступления?

– Висяк, явный висяк, – Руденко тяжело вздохнул. – Да и что можно узнать? Банальная передозировка, уголовное дело-то заводить не хочется. Как будто у меня мало других преступлений и трупняков.

– Да нет, Сеня, я думаю, что на этот раз передозировка не столь уж банальна.

– Что, высшие сферы нашептали? – лейтенант язвительно смотрел на Яну.

– Вот-вот, именно они.

– И что же именно ты увидела? – с притворным равнодушием и наигранной насмешкой проговорил «Три семерки». Он явно повеселел. Надежда на то, что гиблое дело, за которое

придется отвечать перед начальством по особой статье, будет раскрыто с помощью Милославской немного воодушевила его.

– Тело лежало в подвале заброшенного дома, – медленно проговорила Яна. – Было темно. Наверное, ночь. Олег, видимо уже умирал, когда к нему подошел кто-то с фонариком в руках.

– А кто, кто это был? Опиши, – Руденко, забыв о своем скептицизме просительно заглядывая ей в глаза, как ребенок в ожидании сладкого.

– Если бы я видела! Темно, а мне прямо в глаза фонарик светил. Я могла хорошо разглядеть только то, что попадало в круг света от его фонарика. Так вот, этот человек подошел к телу, забрал какой-то небольшой предмет из кармана и заменил шприц на другой. Все, – усмехнулась она, взглянув на Руденко, застывшего в ожидании. Яна не собиралась рассказывать ему о непонятном видении кладбища. Она пока еще не знала, какое отношение имеет это видение к делу. – Теперь твоя очередь. Делись информацией.

Руденко надулся, высказывая важность должностного лица, облеченного властью:

– Я не имею право разглашать тайну следствия, – высокомерно проговорил он, но через минуту, сбавив тон, прибавил:

– Что тебя интересует?

– Все, Сеня, все. Что вам известно о мальчике, о его семье, друзьях, врагах, ну не мне тебе объяснять.

– Олег Викторович Сизов, двадцать лет, – забубнил Руденко недовольным голосом. Конечно, ему очень хотелось принять помощь Яны в расследовании, но при этом он ждал, что именно Милославская будет поставлять ему сведения, а не наоборот. – окончил местную школу номер десять, в армии не служил, папочка отмазал, – усмехнулся он в усы. – Поступил заочно в тарасовский филиал Московского юридического института, подрабатывал в фирме «Терра» у своего дяди Альбина Юрия Владимировича помощником консультанта по юридическим вопросам. Жил вместе с отцом, Виктором Александровичем, бизнесменом и, одновременно, депутатом областной думы, и с матерью. С ней, я так понимаю, ты уже познакомилась?

Яна кивнула. Она с нетерпением ожидала продолжения, пока Руденко пил минералку и прикуривал новую сигарету из предложенной Яной пачки.

– Ну а поближе к делу? Что обнаружила экспертиза, какие вы успели произвести «следственные мероприятия», так это у вас называется?

– А что экспертиза может обнаружить? Следов насилия на теле нет, умер от большой дозы героина. «Дорог» на руках, правда нет, но это ни о чем еще не говорит, возможно он колелся недавно, а раньше глотал «колеса» или нюхал.

– Что такое «дороги»?

– Отстала от жизни, – снисходительно усмехнулся лейтенант. – Сейчас каждый малец знает, что это ряд следов от уколов. Но для этого надо, конечно, колоться не один месяц. Тело было обнаружено в подвале старого заброшенного дома на окраине города, не так уж и далеко отсюда, между прочим. По нашим сведениям, в этом подвале иногда бомжи ночуют, а чаще подростки собираются, потусоваться, как мой малец говорит, а проще говоря, кольнуться да потрахаться.

Яна недовольно поморщилась.

– Ну что я сделаю? Если это интересы большинства молодежи, – продолжил раздражено Руденко, заметив ее недовольный взгляд. – Так вот, рядом дома тоже заброшенные, так что обнаружить свидетелей того, как туда попал Сизов и один ли он был нам не удалось.

– Ну а что удалось выяснить?

– Да в том-то и дело: ничего! – с досадой проговорил Руденко. – Обычно подобные дела не представляют из себя ничего сложного. Подъезжаем с нарядом во двор нарика, загнущегося от передозы, подхватываем пару-тройку местных наркоманов и везем в отделение. Ну а наши методы воздействия ты, думаю, можешь представить, наркомана расколоть – раз плюнуть...

– Только не надо подробностей, скажи, удалось ли что-то узнать?

– Я же тебе говорю: ничего особенного. Знают они Олега, что-то про него слышали, видели во дворе, а вот употребляет ли, сказать не могут это уже подозрительно.

– Почему?

Руденко тяжело вздохнул и снисходительным тоном, как маленькому ребенку, принялся объяснять:

– Потому что все наркоманы в одном дворе чаще всего прекрасно знают друг друга. а уж барыг, нупродающих наркотики, тем более. а тут ни то, ни се. Странно все как-то. Если передозировка случайна, где он наркотики достал? Ох, и не нравится мне это дело.

– В институте искали? Можету него там связи?

– А то мы маленькие, без тебя бы не додумались, – искоса глянул на Яну лейтенант. – Они заочники, если ты изволила позабыть. На коммерческом отделении сессия уже закончилась, все разбрелись по городу, кто где живет, да по району. Там ведь не только тарасовские учатся. Не успели мы еще. Работы, мать вашу, и так полным полно, как будто на мне одно это дело висит, – продолжал ворчать он. – а тут еще на фирме этого дяди копать надо, можетплемянничек там наркотики добывал.

– А что Олег делал в тот день, когда пропал, вы узнали?

– Родители сообщили, что отец в восемь утра уехал на работу. Мать чуть позже, приблизительно в девять часов, отправилась в магазины и навестить приболевшую подругу. Вернулась она около четырех часов дня. Олега дома уже не было.

– Соседи? Слышали что-нибудь? – Яна придвинула пепельницу чуть поближе и пристально посмотрела на Руденко. Тому не очень-то нравилось, что его так допрашивают, контролируя проделанную работу. Но Яна, понабравшись опыта, подходила ко всему последовательно и внимательно.

– Яна Борисовна, вы в своих заоблачных сферах просто оторвались от жизни! – Руденко глубоко, с удовольствием затыкнулся и иронично посмотрел на Яну. Таким официальным обращением он подчеркивал свое несколько нарочитое удивление. – Совсем представления не имеете о том, как нынче живут любимые нами «слуги народа»? Там элитная многоэтажка, один подъезд. Вахтера нет, зато домофон, сигнализация и видеокамера, срабатывающая вместе с домофоном у подъезда. Вход и выход есть также через гараж, расположенный под домом. На каждом этаже по две двухъярусные, ну, двухэтажные, квартиры. В соседней живет Воронцова Анна Дмитриевна.

В голове Яны созрела идея. Она перебила Руденко, быстро спросив его:

– Ты не мог бы рассказать по-подробней об этой соседке?

Руденко пожал плечами.

– У меня есть кое-какая информация, – неохотно проговорил он. – Мои ребята копали в этом отношении. Но там все чисто. Уж больно дамочка глуповата. Милая, конечно, я сам с ней разговаривал, красивая, обаятельная, наивная, как ребенок, но ума – кот наплакал. Ее супруг, Воронцов, был сыночком какой-то шишки, жил в Москве, но приехал по делам в Тарасов и познакомился тут с молодой красавицей Анной. Ну, как ты понимаешь, сказочный финал, – Руденко презрительно усмехнулся, в сказки он явно не верил. – Короче, предприимчивого бизнесмена в Москве скоро грохнули, а Анна вернулась к мамочке в Тарасов вместе со своей народившейся от прекрасного принца доченькой. На оставшиеся от мужа деньги она смогла приобрести крутую квартиру. Теперь живет там с матушкой в роскоши.

– А дочь?

– Умерла в прошлом году. Насколько я знаю, покончила с собой. Но зачем тебе все это нужно? Мы уже копали в этом отношении – как раз в этот день у Анны была племянница с супругом в гостях, они все совершенно ничего не слышали.

– Да я вовсе и не об этом, – отмахнулась Яна. – Ты не знаешь, в каких она отношениях с соседями?

– В хороших. Я узнал, что она много общалась не только с Сизовой, но и с ее сыном. Мы уже допрашивали ее.

– Опиши мне Воронцову, – Яна была настойчива.

– Красивая. Ростом чуть ниже тебя, каштановые волосы, чаще всего укладывает их в узел, пухленькая, хотя и не толстая, карие глаза, нос с маленькой горбинкой. Лицо такое у нее, отрешенное что ли, – добавил затем лейтенант – безразличное.

– Понятно, – вернулась Яна, к прежнему вопросу. – А о перемещениях Олега в этот день вам больше ничего не известно?

– Мать сказала: он к десяти должен был на работу подъехать. Но там мне заявили, что он не появлялся. Ну как тут расследовать, – патетически продолжил Руденко, – если я даже толком допросить никого не могу? Хотел с папашей побеседовать, а тот на меня презрительно смотрит. Чуть я только пытаюсь узнать, не замечали ли они: балуется сын наркотиками или нет, цедит: «Не переносу глупых и бестактных вопросов. Кто там у вас начальник? Я ему сегодня позвоню...»

– Да уж, тяжело тебе, – насмешливо взглянула на насупившегося лейтенанта Яна. Она легко встала с кресла и отправилась на кухню попутно интересуясь у Руденко:

– Ну что, тебе бутерброд соорудить? Голодный, наверное?

– Не помешает, – обрадовано проговорил тот, отправляясь следом за хозяйкой.

Джемма, спокойно лежащая у входа в комнату, потянулась и важно зашагала перед милиционером. Своим мощным корпусом она перекрывала узкий коридорчик, не позволяя Руденко двигаться быстрее, как того требовал его проголодавшийся организм. Лейтенант досадливо крикнул, глядя на собаку, которая, словно издеваясь, неспешно шагала прямо перед ним и даже остановилась на минутку, чтобы задумчиво почесать у себя за ухом задней лапой.

– Вот ведь вредная скотина, – пробормотал Руденко, без особой неприязни глядя на овчарку. Та, словно понимая его слова, оглянулась, зевнула и улеглась на пороге кухни, загромождавая милиционеру проход.

– Яна, что за шуточки у твоего пса? – недовольным голосом проговорил тот, уставившись на хитрую бестию.

Милославская, глядя на застывшую за дверью фигуру грозного милиционера, усмехнулась и велела Джемме освободить проход. Собака уступила и разлеглась посреди кухни, предано охраняя хозяйку. Прикрыв глаза она смотрела на лейтенанта, как бы насмехаясь. Вообще-то у нее с Руденко отношения были неплохими, поэтому «Три семерки» не обиделся, восприняв подобный поступок как своеобразное проявление собачьего юмора.

Яна поставила перед лейтенантом тарелку с наспех приготовленными бутербродами. Руденко ухватил самый большой и впился в него зубами, пока Милославская засыпала в джезву очередную порцию мелкого помола порошка.

– И как ты в такую жару пьешь горячий кофе? – проговорил он с набитым ртом.

– Просто, Семеныч, просто, – улыбнулась Яна, внимательно следя за золотистой коричневой пеной. – Давление низкое, только кофе помогает чувствовать себя человеком, а не развалиной. Ты лучше мне скажи, могли ли мальчишку убить из-за деятельности его отца? Чтобы надавить на депутата? Я слышала, сейчас почти все преступные группировки держат своих, «карманных» депутатов, прикармливая их со своего стола. Может Сизов им чем-то на этот раз не угодил? Или двурушничал?

– Ты меня не учи, как работать, – вновь недовольно заговорил лейтенант, застыв над тарелкой в сомнении: съесть ли сперва бутерброд с сыром или отдать предпочтение хлебу с беконом. В конце концов бекон победил. – Мои люди уже работают в этом направлении.

По недовольному тону Руденко Милославская поняла, что успешной эту работу пока никак не назовешь. В это время раззадорившийся лейтенант с особой энергией принялся проклинать все дела, связанные с наркотиками, политиками, богатыми и влиятельными бизнесменами, вылезшими за последние годы из грязи в князи. Яну эта тирада немного утомила, так как ее приятель не забыл пройти и по любимой теме – неравнозначной оплате услуг экстрасенса и милиционера.

– Я-то знаю, как ты добиваешься успеха в тех делах, на которые у нас просто не хватает сил и времени, – с неприятной усмешкой, увлекшись, проговорил лейтенант.

– И как же? – Яна иронично смотрела на него, полуприкрыв веки и с наслаждением затягиваясь сигаретным дымом.

– Ну как же! Такие деньги везде помогут проникнуть. Потом, эти твои видения на тарелочке с голубой каемочкой ответ на любой вопрос шутя преподносят! Только руки подставляй для гонораров от благодарных нанимателей.

– Успех – дитя интуиции, таланта, в конце концов еще и случая, но больше всего, огромного желания и терпения, – негромко проговорила Яна, глядя на Руденко таким уничижительным взглядом, что тот даже немного смутился. Но через секунду вновь забубнил о своей несчастной судьбе и о препятствиях на своем пути.

В результате тирада закончилась одновременно с бутербродами. Внимательно взглянув на опустевшее блюдо, как будто надеясь обнаружить там что-то, помимо крошек, Руденко немного виновато пробормотал:

– Спасибо, – он словно осознал, что не очень-то прилично гостю, угощаясь, еще и критиковать хозяев, с помощью каких бы потусторонних сил они не зарабатывали бы деньги. Кроме того, ему, конечно же, хотелось навести мосты для дальнейшего сотрудничества. Особая деликатность, которую необходимо проявить при расследовании этого дела несколько смутила.

– Ну, если что-нибудь узнаешь, звони. Буду ждать, – неловко проговорил он, стряхивая крошки с пышных усов.

Руденко взглянул на часы и заторопился на работу. Джемма лениво поднялась проводить его до калитки вместе с Яной после чего, виновато глянув на хозяйку, улеглась во дворе, отыскав там тенечек. Яна в это время задумалась о своих дальнейших действиях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дело действительно было не самым легким. Судя по видению, кто-то все же имел отношение к гибели мальчишки. Можно предположить, что смерть все же была случайна, а неизвестный просто обнаружил тело. Но в таком случае, зачем был заменен шприц? Наиболее вероятным Яне казалось, что шприц заменили для уничтожения на нем отпечатков пальцев убийцы. Ведь в тот момент, когда его видела Милославская, неизвестный был, несмотря на жару, в тонких черных перчатках. Если же он сам делал мальчишке укол, тоскорее всего перчаток у него в тот момент не было.

Вот только почему нет следов борьбы, сопротивления? Можно предположить, что либо Олег не противился, сам дал согласие на укол, либо он был в бесчувственном состоянии. Но в таком случае его наверняка бы ударили или отравили, усыпили, а следов подобных действий не обнаружено. Следовательно, он знал предложившего ему наркотик человека и даже доверял ему. Значит убийцу следует искать среди друзей и знакомых Олега.

Но каков же мог быть мотив? Яна последние несколько лет была не по наслышке знакома не только с экстрасенсорикой, но и с некоторыми зачатками сыщнической работы, поэтому знала: большинство дел, как говорил Руденко, раскрываются в том случае, если удастся выявить мотив. То есть «*Qui prodest*»? Кому выгодно? При этом не следовало забывать, что выгода могла выражаться не только в виде богатого наследства от убиенного дедушки, то есть сугубо в материальной форме, но и в том, что устранив кого-то человек возвращал или обретал таким образом определенный душевный комфорт. Конечно, если равновесие в душе и помраченном рассудке убийством вернул себе какой-то маньяк, понимание мотива не так уж сильно облегчала поимку убийцы. Но вот убийства из страха, ненависти, мести, ревности, устраняющие негативный раздражитель, таким образом вычислить было легче, так как круг подозреваемых значительно ограничивался.

В таком случае, конечно, как Яна уже намекнула Руденко, нельзя было отказываться от версии, что убийством Олега желали наказать папочку-депутата. Быть может он не угодил кому-то из криминальной среды.

Мотивы могли быть и другие, но Яна ни на секунду не забывала, что главнейшей причиной, способной побудить некоторых на совершение убийства, являются желание власти, куда входит убийство из-за денег, ведь они также дают власть, отчаянное положение, вынуждающее защищать свою жизнь и имущество. Конечно, могли быть и другие мотивы. Но при первом знакомстве они практически не просматривались. Яна решила прежде всего как можно больше узнать о молодом человеке.

Беспокоило Милославскую и то непонятное видение, которое она получила, используя карту «Джокер». Что обозначали эти могилы, к чему они вели и на какую мысль наталкивали? Призрачность всего представшего тогда перед ее глазами смущала и тревожила. Вероятно, стоило отыскать увиденные могилы и рассмотреть их внимательнее. Вполне возможно, это натолкнуло бы Милославскую на какую-то дельную мысль, позволяющую узнать что-то о неизвестном убийце, а может даже и встретить его. Некоторой сложностью являлось неясность и размытость видения. Яна не представляла, какое именно кладбище ей привиделось. Если оно находилось в Тарасове, не возникало никаких проблем. Но ведь видения не ограничивались пространством города. Можно было обратиться за помощью к Руденко, но ведь Яна еще и сама не могла предположить, что ей даст эта могила. И все же план, как узнать, есть ли нужная ей могила в Тарасове, Милославская выработала.

В таких раздумьях прошел оставшийся день. Яна решила приступать к изучению обстановки на следующее утро, после похорон. Именно там она и хотела в первый раз визуально

познакомиться с друзьями и родственниками, среди которых, вполне возможно, и скрывается, по ее предположениям, убийца.

* * *

На следующее утро, после легкого завтрака, состоящего из кофе и стакана апельсинового сока, Яна в задумчивости остановилась перед своим гардеробом. Она собиралась отправиться на похороны Олега, чтобы приглядеться там к людям, окружавшим ранее покойного, и теперь необходимо было выбрать подходящий наряд.

Одеваться во все черное в такую жару она не собиралась – все-таки Милославская не только не относилась к родственникам и близким друзьям, но даже и никогда не видела юношу живым. Визуальное знакомство через видение никак нельзя было засчитать. Но и проявлять неуважение, нарушая принятый этикет не хотелось. Конечно, Яна собиралась держаться все время в сторонке, наблюдая за присутствующими, причем не при прощании дома или в морге, а сразу на кладбище. Остановилась она на темно-синей юбке и такого же цвета легкой блузе с вышивкой без рукавов. Босоножки с тоненькими ремешками дополнили наряд. Захватила она также и легкий лиловый шелковый платочек, который можно было накинуть на голову. В таком виде Яна не будет слишком выделяться среди скорбящих родственников и просто любопытных.

Кладбище находилось в противоположном конце города, так что уже в одиннадцать часов Яна вышла из дома, ласково сказав Джемме, вскочившей в надежде отправиться вместе с хозяйкой:

– Нет, девочка, тебе туда никак нельзя. Покарауль-ка лучше дом, а мне никакая опасность там не угрожает, – неосмотрительно проговорила она, не подозревая, что готовит ей этот жаркий день.

Джемма укоризненно посмотрела на хозяйку и обиженно улеглась у калитки, просунув свой нос через решетчатое ограждение. Всем своим видом она выражала оскорбленное достоинство.

Яна довольно быстро поймала машину. За рулем бутылочного цвета «девятки» сидел жизнерадостный мужичок. Услышав адрес, он сперва было заколебался, но затем, окинув женщину оценивающе-одобрительным взглядом, махнул рукой, приглашая садиться. Всю дорогу Яна мучительно пыталась сосредоточиться, обдумывая нелегкое дело и свои дальнейшие действия. Конечно, водитель, как Милославская и опасалась, всеми силами пытался ей в этом помешать. Мужичок ни на минуту не закрывал рот, комментируя все, что только попадалось им на пути, включая водителей других машин, ГАИ, погоду, предстоящий путь через весь город и саму Яну. Причем только последний пункт – то есть сама попутчица, воспринимались им одобрительно. В результате, расплатившись, Милославская стрелой вылетела из машины, до конца все еще не веря в чудо избавления от говорливого водителя.

Она прибыла на кладбище немного раньше, чем рассчитывала. Было еще только без четверти двенадцать и, вспоминая о видении, которое преподнес ей «Джокер», Яна решила пока прогуляться между могилами в надежде случайно обнаружить что-то из увиденного. Конечно, вероятность подобного была чрезвычайно мала, но все же стоило рискнуть.

Яна медленно побрела между рядами бесчисленных могил. Через несколько минут у нее уже рябило в глазах от множества однообразных памятников, навеки скрывших под собой чьи-то надежды и чаяния, горести и радости. В результате время пролетело незаметно. Спohватившись, Яна в последний момент отправилась к входу. Как она и ожидала, микроавтобус с провожающими Олега в последний путь, а также вереница легковых машин притормозили прямо у входа. Ведь родители усопшего были не только очень богаты, но и влиятельны, так что почетное, лучшее место у самого входа на кладбище любимому сыночку было обеспечено.

Желающих проститься с Олегом оказалось очень много, причем как раз его ровесников по какой-то причине можно было пересчитать по пальцам. Большинство представительных, богато одетых людей, по всей видимости, являлись родственниками или имели отношение скорее к родителям, чем к мальчику.

Похоронная процессия с несомым впереди гробом двинулась вперед. Яна, стоя в стороне, внимательно наблюдала за присутствующими. Она решила как бы случайно завести разговор с кем-то из присутствующих. Конечно, можно было подойти к Дарье Владимировне, но Милославская желала найти человека, способного вести разговор и отвечать на вопросы, а не биться в истерику. Именно поэтому Яна решила выбрать себе в спутницы не родственницу, а ту самую соседку, которая, по словам Руденко, была так близка с Сизовыми.

Яна слегка отвернулась, чтобы не быть узнанной, когда четверо мужчин пронесли мимо роскошный гроб. За ним проследовали священник и, все в черном, скорбящие родственники. Первой шла спрятавшая в платочек лицо безутешная Дарья Владимировна. Ее поддерживал упитанный высокий мужчина с самодовольным лицом, несколько подпорченным читающейся на нем скорбной растерянностью. За ними следовала молоденькая девушка и еще один мужчина, цветом волос и глаз напомнивший Яне Сизову.

Далее, видимо, прошли дальние родственники и друзья. Народу было много, но где-то ближе к концу процессии Яна выделила из толпы красивую, державшуюся чрезвычайно прямо, женщину с пышными формами, но довольно-таки тонкой для подобной фигуры талией. Черный цвет удивительным образом ей шел, оттеняя мягкие, почти детские черты лица. Она шагала как-то особняком и казалась несколько чужеродной этому сборищу представительных господ, старательно удерживающих на лицах напускную скорбь. Лицо же приглянувшейся Яне женщины сохраняло отрешенное, почти бесстрастное выражение. Лишь бросаемые время от времени рассеянные взгляды из-под черного кружевного платка развенчивали впечатление того, что женщина из-за глубокой скорби погрузилась в ступор и двигается чисто механически.

Яна незаметно пристроилась рядом. В руках ее был букет цветов, предусмотрительно приобретенный у ворот кладбища. Через несколько секунд Милославская демонстративно оступилась и подвернула ногу. Тихонько ойкнувона как бы случайно оперлась на идущую рядом женщину.

– Простите, – еле слышно пробормотала Яна, делая вид, что очень смущена. – Мне так неловко, в такой скорбный момент... Вы не могли бы поддержать секундочку букет, пока я поправлю ремешок на босоножке.

– Конечно, – женщина доброжелательно смотрела на Милославскую.

– Я вас раньше вроде бы видела, – Яна проявила чудеса догадливости, решив войти в доверие. – Вы случайно не соседка? Как-то я к Даше приходила и с вами столкнулась.

Яна желала расположить к себе женщину, которая судя по описанию, данному ей ранее Руденкой должна была являться Воронцовой. В то же время, с помощью ловкого маневра с якобы подвернутой ногой, она заставила женщину приостановиться, оказавшись в самом конце процессии.

– Извините, должно быть неудобно, что я вас обременяю в такой момент разговорами, – Яна была сама любезность. – Но, понимаете ли, я мать сестры племянницы Дарьи Владимировны, – с ходу наворотила она это хитросплетение родственных уз, надеясь раз и навсегда запутать новую знакомую, создав у нее ощущение, что Яна – родственница усопшего.

– Мы давно не виделись с Сизовыми, я уезжала на несколько лет за границу, – продолжала Яна. Тем временем свободной рукой, так чтобы не заметила ее новая знакомая, она потихоньку извлекла из кармана карту «Внушение» и сжала ее. Затем Милославская вздохнула:

– Раньше мы были так близки. Помню Олежика еще вот таким малышом. а теперь он без меня вырос, ничего о нем не знаю – сами понимаете, что такое письма да телефонные переговоры. К Даше с такими вопросами подходить неудобно – у нее горе, ей говорить об этом

больно, а мне хотелось бы понять, что случилось с Олежкой, как он жил последние дни. Не могу поверить в случайность его гибели – мальчик из такой хорошей семьи не в состоянии стать наркоманом!

Женщина взглянула на Яну доброжелательно. Произнесенная той тирада произвела желаемое впечатление. Видимо, обмануть ее было не столь уж и сложно. В этот момент Милославская крепче сжала вспотевшей рукой карту, пытаясь воздействовать на сознание женщины. Первые мгновения та не поддавалась, даже возникло какое-то, совершенно неожиданное подсознательное противодействия – Яна поняла, что Анна даже собралась было избавиться от цветов, а также от их хозяйки и прибавить шаг. Но Милославская, делая вид, что боль в ноге все сильнее, опиралась на ее руку, крепко вцепившись в рукав черной блузки. Скандал в таком месте незнакомке поднимать не хотелось и она временно смирилась с присутствием странной родственницы.

Тем временем Яна сосредоточилась на воздействии. Она понимала, что на человека, не отличающегося быстрым умом повлиять легче, так что особых проблем вроде бы не предвиделось: «Ты сейчас в неуравновешенном состоянии, – мысленно повторяла она, сконцентрировав свои силы. – Осознание близости смерти, скорбь нервирует и выводит тебя из равновесия. Поэтому ты открыта для моих воздействий». Яна решила внушить незнакомке приветливость, податливость, чтобы совершенно неосознанно та восприняла Яну в качестве старой подружки, с которой можно поболтать и посплетничать о знакомых.

– Как вас зовут? – голос Яны был успокаивающе вкрадчив.

– Анна, Анна Дмитриевна Воронцова.

«Видимо подействовало», – возликовала Яна. В то же время она чувствовала, что до конца женщина не поддается, ее сознание, словно пытаясь опомниться, сбросить себя чужую власть, стремилось замкнуться и отстраниться.

– А меня Яна Борисовна, но зачем нам эти церемонии, называйте меня просто Яной. Вы давно знаете Олега?

– Уже... да, больше семи лет, с тех самых пор как мы с Сизовыми стали соседями.

– К нему часто приходили друзья? – Милославская пыталась прощупать тему, которая помогла бы ей в дальнейшем расследовании.

– Нет, не очень часто. Иногда только девушки, пока нет родителей – разные девушки, Олег их часто менял. Он был такой непостоянный, кидался на все новенькое. И еще один мальчик приходил, Дима, я слышала, что они дружат с детства. Олег сам очень часто уходил к своим друзьям.

Яна чувствовала, что напряжение собеседницы нарастает. Чем-то ей была неприятна именно эта тема, поэтому Милославская перевела разговор на другое:

– А как вы сами относились к мальчику? Должно быть это страшный удар...

– Я? Мне Олег очень нравился. Но я научилась относиться к смерти философски. За мою жизнь пришлось похоронить столько близких, что испытывать такую боль я уже не в состоянии. Ведь рано или поздно такой момент наступит в жизни каждого. Смерть неизбежна и все зависит лишь от того, где была поставлена точка, каким умер человек – всеми презираемым, вызывающим ненависть или любимым и уважаемым.

Анна разговорилась. Яна видела ее раскрасневшееся лицо и понимала, что сила воздействия карты постепенно увеличивается. Видимо, что бы ни говорила женщина, эти похороны выбили ее из равновесия. Милославская решила перевести разговор на интересующую ее тему:

– Вы были дома в тот день, когда пропал Олег?

– Да, – мысли Анны все еще были заняты своими потерями.

– Скажите, быть может вы видели, что к нему кто-то пришел, слышали какие-то странные звуки?

– Нет, – покачала головой Анна. – Моя квартира довольно-таки большая, а перегородки хорошие. Даже, когда Олег очень громко музыку включал, у нас практически ничего не было слышно. Так что никаких звуков из коридора или от соседей в тот день не доносилось. Я была не одна...

В этот момент все подошли к могиле и Яна, как и Анна, решила не нарушать воцарившуюся тишину, прерываемую лишь густым басом священника. Она отложила карту и задумалась. Не так уж и много было получено информации от соседки. Впрочем, на большее Яна и не рассчитывала. Ей просто хотелось, так сказать, войти в обстановку, выслушать мнение окружающих о мальчике и его семье, прочувствовать обстановку.

Во время траурной церемонии Яна оглядывала присутствующих. Безусловно, спины представительных господ с супругами мало о чем говорили. Но ее больше всего интересовали в данный момент друзья Олега.

Молодых людей было не много. Прежде всего, еще раньше Яна отметила того худенького мальчика, которого она видела на фотографии рядом с Олегом. Он явно был в шоке. Видимо это Дмитрий, лучший друг. Его заботливо поддерживала симпатичная девушка с пышной шапкой обесцвеченных до платинового цвета волос, ее непокорные кудри с большим трудом удерживались маленькой черной кружевной косынкой.

Трое молодых людей, которых Яна также видела на фотографии, стояли несколько в стороне от родственников и прочих представительных гостей. Еще несколько парней и девушек по всей видимости пришли сюда вместе с родителями. «Скорее всегородственники», – подумала Яна. Больше всего ее удивляло именно отсутствие молодежи. Так что сразу после церемонии Милославская вновь принялась донимать вопросами Анну:

– А кто этот молодой человек, рядом с блондинкой?

– Дмитрий, лучший друг Олега. Они с детства общались, разве вы не помните? Перспективный мальчик из очень обеспеченной семьи, – язвительно усмехнулась Анна. – И блондиночка эта очень перспективная. Сизовы уже распланировали было, что она станет супругой Олегу в будущем. Вот только он сам не торопился. Никак уговорить не мог.

– Я так давно не общалась с Олегом, – невинно проговорила Яна. – Помню в детстве он так легко заводил знакомства! а сейчас здесь так мало его друзей...

– Почему мало? – Анна удивленно взглянула на собеседницу. – Я же говорила, он почти никого домой не приводил. Олег был очень целеустремленный, – в голосе женщины прорвалась некоторая раздраженность, – он дружил лишь с теми, кто мог в дальнейшем принести какую-то выгоду ему или его родителям. Случайные знакомые, приятели «для души» ему совсем не нужны были. Он использовал людей, только умело использовал, – женщина говорила тихо и быстро, как в беспамятстве. Милославская даже наклонилась к ней поближе, боясь пропустить хоть слово и не зная, как долго будет действовать карта, вызвавшая данный взрыв откровенности. – Те, кого он достаивал своей дружбой или «любовью», если это можно так назвать, сами были очарованы и считали его благодетелем. Умел Олежек, влезть в душу, – презрительно, почти с ненавистью усмехнулась она. – Прятал свою порочность, только я-то все увидела!

Яна задумалась. Эти слова несколько преображали лучезарный образ хорошего мальчика, нарисованного его матерью. Но, осознав сказанное, Анна вновь замкнулась, она и так сказала больше, чем надо, судя по напряженному лицу. Так что как Яна ни старалась, ничего интересного узнать об Олеге ей больше не удалось.

К этому моменту скорбящие уже подошли к своему автотранспорту. Анна, видя, что ее новая знакомая без машины, предложила подвезти. Милославская, которая вовсе не собиралась отправляться на поминки, тут же отказалась. Пришло время воплотить в жизнь намеченный план поиска привидевшейся ей ранее могилы.

Яна без особого труда обнаружила рядом со входом на кладбище небольшой обшарпанный домик, где располагалась администрация кладбища. Это было несложно сделать, так как

из открытых окошек раздавался стук костяшек домино и отборный русский мат, без которого присутствующие там «джентельмены» не могли связать и двух слов. Яна проскочила в комнату, где на старом застеленном рваными и грязными газетами столе валялись бумаги и стоял телефон. По всей видимости это и была контора. Мужик в грязной рубашке с красным откормленным лицом поднял на нее страдальческие глаза, еще не отошедшие с последнего похмелья. На всю комнату от него разило перегаром, как от свежесорванной розы ароматом.

– Здравствуйте, – лучезарная улыбка засияла на лице Яны. – Мне необходимы сведения о номере участка, где захоронена моя прабабушка.

– Зачем? – после недолгой паузы, понадобившейся на обдумывание и переваривание информации, спросил мужик. Он смотрел на Яну так подозрительно, как будто она была по меньшей мере шпионом, пробравшимся в святая святых – в Кремль или даже к самой ядерной кнопке в портфеле президента и только лишь он остался последним заслоном между преступницей и предметом ее вожделенных мечтаний.

Яна, быстренько и незаметно извлекая десятку сказала первое, что только пришло в голову:

– Я хочу поставить новый памятник, гранитный. а в фирме требуют номер участка прабабушки. Кстати, выпейте за ее здоровье, помяните покойницу.

Яна не успела положить десятку на стол, как самым невероятным образом та исчезла, растворилась в воздухе. При этом мужик все также сидел насупившись. Затем, с большой неохотой он встал, подошел к полке с рядом папок и проговорил:

– Когда умерла, имя, фамилия?

Яна тут же выложила запомнившиеся ей данные:

– Митяева Ирина Владимировна 1923 год.

Бугай извлек папку и медленно принялся в ней копать. Видимо, буквы и цифры отплясывали перед его глазами неведомую чечетку. Тут он спохватился:

– А месяц и число какие?

Яна, не имеющая об этом ни малейшего представления, тут же напридумывала себе провалы памяти, одновременно преподнеся мужичку пятидесятирублевую ассигнацию. Тот загоревшимися глазами глянул на деньги и задумался. Видимо этот процесс был несколько непривычен, а вот провалы в памяти как раз вполне близки и понятны. Кроме того, полученные бумажки жгли его карман, так что он всунул Яне в руки журнал, велел искать там прабабушку, пока он срочно отлучится по очень важным делам.

Когда «очень важные дела» были найдены и распиты, а покачивающийся, но очень довольный собою хранитель кладбищенского покоя вошел в комнату, Милославская успела не только обнаружить номер участка нужной могилы, но даже по валяющемуся на столе плану определить, где, приблизительно, он находится. Так что хозяин преусловутого офиса лишь оглядел несколько осоловевшими глазами пустой кабинет, задумавшись, не приснилась ли ему неизвестная благодетельница, икнул, и довольный отправился играть в домино с приятелями-могильщиками.

Яна бодро шагала по кладбищу. Ряды бесчисленных могил уже не наводили на нее такую тоску. Ведь она совершенно точно представляла, куда направляется, хотя и не была уверена в том, что обнаружит. Путь Яны был недолгим – через пять минут она принялась внимательно разглядывать памятники в поисках нужного. Еще несколько шагов и перед ней предстало знакомое тонкогубое лицо суровой старушки. На секунду Яне показалось: вокруг воцарилась неестественная тишина. Медленно она обернулась, боясь и в то же время желая вновь увидеть лицо подростка на фотографии в черной рамке. Но Яна совсем забыла, что могилы стоят рядами, обращенными в одну сторону. Поэтому за ее спиной нужного памятника не оказалось.

«Что бы это значило? – подумала Яна, внимательно осматривая расположенные по соседству памятники. – Быть может, фотография символизировала что-то другое?». Поиски были безуспешны. Поблизости нужной могилки не оказалось.

Тогда Яна принялась рассматривать памятники, удаляясь все дальше от найденной прабабушки. Тревога в душе не утихала. Она описывала круги, удаляясь все дальше и дальше и почти что пришла в отчаяние. И лишь через двадцать могил от Митяевой на нее вновь смотрел этот темноволосый мальчик. Яна прочитала его имя и фамилию и задумалась. Несколько минут Милославская молча, очень внимательно смотрела на памятник. На душе ее было тревожно, но понять зачем видение привело ее сюда, она не могла.

Солнце пекло все сильнее и сильнее. Шагая по кладбищу к выходу, Яна почти задышалась от заполнявшего легкие тяжелого зноя. Она решила поймать первую же встречную попутку и добраться до центра, чтобы оттуда позвонить Руденко.

* * *

– Семен Семеныч, – проговорила Яна, услышав в трубке недовольный голос лейтенанта.
– А, ты, – недовольства от этого открытия меньше не стало. – Что скажете? На похоронах заскучали?

– Твои люди там меня зафиксировали? Ты из-за этого теперь пыхтишь?

– Да мне-то что, иду куда хочешь, ты лучше выкладывай, с чем пожаловала, некогда мне тут рассусоливать.

Яна отрапортовала:

– Дай-ка мне адрес лучшего друга Олега и его девушки, которую родители все сосватать пытались.

– Подожди, – трубка надолго замолчала, и лишь когда Яна посчитала, что их давным-давно разъединили, вновь прорезался голос Руденко:

– Записывай адрес друга: Московская 25 дробь 11, квартира 8. А про какую невесту ты речь ведешь понятия не имею. Все. Пока.

В трубке послышались гудки.

Яна тут же отправилась по указанному адресу. Как она и ожидала, новенький дом в престижном районе был снабжен железной дверью и домофоном. Рассчитав, что с поминок молодой человек должен уже вернуться, Яна нажала на кнопку с цифрой 8. Через несколько секунд она услышала женский голос:

– Вас слушают.

– Мне необходимо поговорить с Дмитрием. Я от Сизовой Дарьи Владимировны.

– Поднимитесь на четвертый этаж.

В двери что-то щелкнуло и она открылась. Яна поднялась на лифте на четвертый этаж и позвонила. Открыла немолодая женщина в кокетливом чистеньком фартуке и косынке.

– Проходите, – приветливо проговорила она, заученная вежливая улыбка не затрагивала безразличных и усталых глаз. Она проводила Яну в просторную светлую комнату.

Удобные кресла с белой обивкой, изящная мебель из красного дерева, в стиле 80-х века, несколько картин и гобелен на стене обличали не только богатство нуворишей, но и полное отсутствие у них вкуса. Яна понимала, что вещи собраны, в принципе, ценные, но вот их неудачное соединение в одном помещении и расположение оставляло желать лучшего. За массивным столом из красного дерева сидел представительный худощавый мужчина с короткими светлыми волосами. Очки в дорогой оправе придавали ему вид интеллектуала, значительным образом прибавляя обаяния. Портило только лишь неприступное, настороженное выражение лица. Казалось, он, окидывая Яну внимательным оценивающим взглядом, как боксер на ринге примеривается, куда именно ударить будет вернее, чтобы сразить противника наповал.

– Я вас слушаю, – сухим тоном проговорил он, по-прежнему пристально рассматривая Милославскую.

– Мне хотелось бы поговорить с Дмитрием, – вновь повторила Яна.

– Я его отец, смело можете изложить мне суть вашего вопроса.

По канцелярским фразам и роскошной обстановке Яна предположила, что данный раздумившийся от важности джентельменскорее всего работает где-нибудь в управленческом аппарате, если не области, то города Тарасова. Подумав, Яна решила на этот раз действовать открыто. Она без приглашения присела в кресло и обворожительно улыбнулась:

– Я по поручению Сизовой Дарьи Владимировны занимаюсь расследованием гибели ее сына, – Яна лишь не стала уточнять, что она не детектив, а экстрасенс. – Узнав, что ваш сын и Сизов раньше были друзьями, я решила поговорить с ним, чтобы узнать немного больше об Олеге и о его окружении.

– Моему сыну ничего не известно, – столь же неприветливо отрезал не представившийся джентельмен. – Совершенно незачем впутывать его в это дело. Его даже не было в городе в день смерти Олега. Он гостил у родственников.

– Никто и не подозревает вашего сына, – Яна вновь безуспешно пыталась воздействовать на мужчину своим обаянием. Он же от этого лишь становился угрюмее и неприветливее. – Я хочу всего лишь узнать от него об Олеге.

– Мой сын в данный момент слишком расстроен. Я же настоятельно рекомендую вам больше ничего здесь не вынюхивать и не приближаться к Дмитрию. На эту тему я побеседую с Дарьей Владимировной. Думаю, она будет полностью со мной согласна.

Яна не успела даже извлечь свои карты, чтобы тем или иным образом воздействовать на этого человека или хотя бы понять, по какой причине он так старательно выставляет ее из дома, как Никитин позвал женщину, видимо, прислугу, и строгим непререкаемым тоном приказал ей проводить Яну до выхода. Видимо, сам он уже определил, к какой именно категории по его личной классификации можно отнести Яну и как с ней при случае можно расправиться. Так что теперь она ему уже была не интересна.

Милославская не стала сопротивляться и настаивать, а спокойно удалилась. Выйдя из подъезда, она бросила взгляд на окна четвертого этажа. Ей показалось, что за раздвинутыми жалюзи мелькнуло чье-то бледное лицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понемногу приближался вечер, и Яна решила, не забывая в данный момент о делах, отправиться перекусить. Конечно, в такую жару есть совсем не хотелось, но все же она решила подкрепить свои силы. На ее счастье неподалеку в полуподвальчике расположился маленький ресторан с обманчиво невзрачной вывеской. Яна спустилась по ступенькам, открыла звонко тренькнувшую прикрепленным колокольчиком дверь и ощутила прохладу свежего от работающих кондиционеров воздуха.

Милославская приятно удивилась, обнаружив, что обстановка, выдержанная в бело-голубых и серебристо-стальных тонах, не только довольно-таки уютная и располагающая, но и чистенькая. Помещение было почти пустым, так как время обеда уже прошло, а ужина и ночных гуляний еще не наступило. Две симпатичные официантки в униформе весело шушукались и хихикали у стойки. Заняты были лишь два стола – за одним устроилась молодая парочка, а за другим восседала скучающая молодая дама, лениво ковыряющаяся в тарелке с салатом.

Яна присела за столик, расположенный около окна. Время от времени она бросала взгляды на виднеющийся подъезд дома, где жили Никитины, а также на их машину. Она совершенно не обратила внимание на скользнувшего следом за ней и присевшего в противоположном уголке зала молодого человека с бородкой и в темных очках.

Обслуживание в ресторанчике соответствовало обстановке – не успела Яна устроиться за облюбованным столиком, как к ней подскочила официантка и предложила меню. Милославская мельком взглянула на список блюд и проговорила:

– Салат ассорти, минеральную воду и ванильное мороженное.

Официантка зафиксировала заказ в аккуратном маленьком блокнотике с прикрепленной к нему ручкой, поправила кружевную наколку на волосах и собралась вернуться к стойке. Но Яна, немного подумав, спросила у нее:

– Скажите, а можно от вас позвонить?

Взгляд официантки тут же изобразил все испытываемое ею презрение при виде посетителей, зашедших в это заведение и не имеющих даже своего сотового телефона. Но в следующее мгновение, умело скрыв свои мысли дежурной улыбкой, она проговорила:

– Конечно, немного подождите.

Официантка удалилась, но уже через две минуты Яне на подносе был преподнесена телефонная трубка. Милославская подумала, что это удовольствие ей непременно включат в счет, который наверняка окажется немаленьким. А пока она вновь набрала номер телефона, находящегося в кабинете у Руденко. И на этот раз ей повезло – лейтенант оказался там и сам взял трубку. Голос его был немного более приветливым:

– Лейтенант Руденко слушает.

– Это опять я.

– Зачем пожаловала? Что-то узнала новенькое?

– Пока еще нет, но, возможно, узнаю. Вот только мне понадобится твоя помощь, – демонстративное молчание в трубке показало, что особого восторга от данного факта Руденко не испытывает. Яна продолжила:

– Для начала скажи, ты беседовал с Никитиным Дмитрием?

– А ты с его папочкой знакома? – язвительности лейтенанта не было границ. Не выслушав ответа на данный риторический вопрос, Семен Семеныч договорил:

– А если знакома, то прекрасно поймешь, что к такой шишке на кривой козе не подъедешь. Он нас к сыночку и не подпустил. Тут же последовали указания сверху, что разговор с Дмитрием совершенно излишен, мальчика в это время вроде бы в городе не было, а кроме того не рекомендуется травмировать его чувствительную и ранимую психику.

– Понятно. Мне нужно, чтобы ты разузнал все о самом Никитине, особенно о его связях с Сизовыми.

– Ты хоть понимаешь, под кого копаешь? – голос лейтенанта внезапно стал очень серьезен. Знаешь, какую он должность занимает?

– Вот и расскажешь мне все, и какую должность, и что его связывает с депутатом Сизовым, и все остальное, что только узнать сможешь, а также о его сыне, кто он и что из себя представляет.

– У тебя, Милославская, совсем крыша поехала, – кратко прорезюмировал разговор Руденко и собирался было повесить трубку, когда Яна добавила:

– Да, и вот еще, – голос Милославской звучал несколько неуверенно, что удивило лейтенанта. Обычно Яна не колебалась, когда просила его о помощи. – Я хотела бы, чтобы ты узнал немного об Александре Тихонове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.